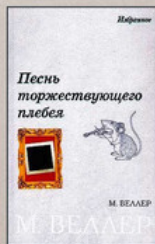

Михаил Веллер

Красная редактура

*Часть сборника
Песнь торжествующего плебея
(сборник)*

Михаил Иосифович Веллер
Красная редактура
Серия «Песнь торжествующего
плебея (сборник)»
Серия «Служили два
товарища, ага!», книга 1

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168118*

Аннотация

***НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВЕЛЛЕРОМ МИХАИЛОМ ИОСИФОВИЧЕМ, ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВЕЛЛЕРА МИХАИЛА ИОСИФОВИЧА.**

«В семидесятилетний период советской власти в России имел место, среди прочих социальных феноменов, беспрецедентный в истории институт, уже само название которого – «красная редактура» – требует предварительной расшифровки...»

Содержание

1. Происхождение видов	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Михаил Веллер

Красная редактура

1. Происхождение видов

В семидесятилетний период советской власти в России имел место, среди прочих социальных феноменов, беспрецедентный в истории институт, уже само название которого – «красная редактура» – требует предварительной расшифровки.

Начинать ее следует с прилагательного. «Красный», в официальной терминологии, отнюдь не выполнял функцию определения цвета. Попытка объяснить, выражение «красная интеллигенция» (она же позднее «советская») гегемонией индейцев среди работников умственного труда при всей соблазнительности трактовки опровергается статистикой. Точно так же несостоятельным оказывается объяснение, связывающее «красный» с цветом лица, сопутствующим алкоголизму вследствие интеллектуальной невосребованности. Пьянство как явление в России всегда носило демократический и даже уравнилительный характер, принципиально отрицая классовую дифференциацию. Истолкование же «красной» как указания на стыдливость и обостренную совесть интеллигенции в условиях коммунистической

диктатуры не увязывается с многочисленными историческими примерами поразительной адаптации «красных интеллигентов» в обществе, которому они успешно способствовали своей деятельностью и за которое якобы призваны были краснеть. Остается рассмотреть лишь чисто физиологическую версию: «красный» как симптом гипертонии на почве стресса, вызванного психологическим дискомфортом; но продолжительность жизни интеллигенции, в среднем по стране более высокая, чем у рабочего класса и колхозного крестьянства, неопровержимо свидетельствует об относительном комфорте и достатке ее существования. Таким образом, остается решительно непонятным, что же имелось в виду под выражением «красная (советская) интеллигенция» — хотя ясно, что это была интеллигенция не просто, а какая-то, видимо, специфическая, должна иметь некое отношение к интеллигенции в традиционном смысле этого слова.

Суть в том, что термин «красный» в сочетании с управляемым им существительным (это обратное грамматическое управление есть одна из принципиальных лингвистических особенностей той эпохи) придавал словосочетанию совершенно новое значение, не имевшее ничего общего с каждым по отдельности словом, входящим в устойчивую идиому. Так, скажем, «морская свинка» обозначает грызуна, не имеющего ничего общего ни с обитателями морских глубин, ни с подотрядом нежвачных семейства парнокопытных: по-

этому бессмысленно содержать ее в аквариуме с морской водой или откармливать помоями для получения скороспелого и высококалорийного мяса и сала.

Аналогично и «красная профессура», созданная после высылки в начале двадцатых парохода с просто профессурой в Европу (каков масштаб! исчислять и перемещать профессуру пароходами!) – не должна была красить себя перед заседаниями кафедры киноварью или делать научные открытия. А «красный директор» с точки зрения характеристики по цвету чаще всего был черным, но объяснялось это, разумеется, не расовой принадлежностью или уподоблением в работе негру на плантации – а цветом формы военных матросов, которые успешно преобладали среди «красных директоров» посредством мата и маузера. Не следует воображать «красного директора» реальным руководителем производства – нет, руководил обычный специалист, в обязанности же «красного директора» вменялось расстрелять его при любых неполадках или получить награду в случае успехов. Поскольку награждаться можно многократно, расстрел же повторно-го наказания не подразумевает, то специалисты со временем кончились, и «красные директора» стали совмещать обязанности расстреливаться и награждаться.

Теперь уместно перейти к рассмотрению существительного и вспомнить, что термин «редактирование» восходит к латинскому «редактус», что означает «приведенный в порядок». Углубясь же в историю России до летописных ис-

токов «Сказания о возникновении земли русской», в начале начал мы обнаруживаем широко известную и сакраментальную фразу «Земля у нас богатая, порядку только нет». Сформулировав проблему и осознав необходимость наведения порядка, новгородские славяне пригласили для этого варяжскую дружину во главе с Рюриком. В изначальном значении слова именно он и явился первым русским редактором. (Забегая вперед и вбок, добавим, что вошедшее в обиход с 1933 года в III Рейхе выражение «новый порядок» есть фактический перевод древнеримского «отредактированный» — что естественно, учитывая декларируемые Гитлером преемственность и возрождение традиций и обычаев Рима, вплоть до партийного приветствия.)

Преимущества и прогрессивное значение редактирования не замедлили себя явить, и вскоре род Рюрика отредактировал и Киев, объединив вокруг себя славянские земли.

В числе выдающихся редакторов необходимо назвать Ивана IV и Петра I, значительно увеличивших объем и степень редактирования, а к XX веку отредактированная территория страны занимала уже одну шестую часть всей земной поверхности. Но тут в 1917 году грянул октябрьский переворот, после редактирования превратившийся в Великую Октябрьскую Социалистическую Революцию.

Любой словарь скажет, что французское «revolution» означает «скачкообразный переход в иное качественное состояние». Иное состояние по сравнению с порядком есть ха-

ос. В советской («красной») историографии период, наступивший непосредственно вслед за революцией, получил название «разруха». И действительно: перестали действовать железные дороги, разбежалась армия, рухнула финансовая система, исчезло продовольствие и т. д. Естественно, это не произошло само собой, но явилось совокупным результатом действий отдельных конкретных личностей.

Каждый, кто знаком с азами философии либо практического администрирования, прекрасно знает: парадокс объективных исторических законов заключается в том, что все люди по отдельности и вместе хотят одного, в результате же их действий в общем получается совсем другое – часто не только обратное их чаяниям и трудам, но и то, чего они себе вовсе помыслить не могли. И видя, что объективный результат не совпал с их субъективной целью, вчерашние революционеры последовали древней турецкой мудрости (за что Кемаль Ататюрк и получил от первого «красного правительства» две трети Армении с горой Арарат): «Главное – это дать происходящему нужное название, а там – хоть ковер из мечети выноси». И в оправдание происходящему оно было названо «красный порядок». Второе название диалектически уравнивало первое и тем самым придавало смысл всем отдельным действиям: «разруха» подверглась редактированию.

Таким образом, красное редактирование оформилось в Советской («Красной») России уже в январе 1918 года, обре-

тя вид и статус государственной структуры – Чрезвычайной Коллегии по редактированию контрреволюции и саботажа, ставшей широко известной под аббревиатурой ЧК. Контрреволюцией и саботажем могла быть объявлена любая часть разрухи, а «красным редактированием» – любые действия, производимые властью и ведущие к этой самой «разрухе». Тем самым все происходящее упорядочивалось.

Первым Главным Редактором ЧК стал отнюдь не выпускник филологического факультета или полиграфического института, а малоуспешный гимназист и несостоявшийся ксендз, характеризующийся в протоколах ютивших его каталажек как бомж (лицо без определенного места жительства, занятий и легальных средств к существованию, т. е. антисоциальный элемент и мелкий жулик). Свой псевдоним – Феликс Дзержинский – он взял от названия тяжелого грузового паровоза ФД и первого советского фотоаппарата ФЭД, которым и делались отредактированные изображения паровоза, который летел вперед вплоть до полной остановки в коммуне, таща вагоны с отредактированным населением на ударные «красные» коммунальные стройки. Достоверно известно, что красный редактор Ф. Дзержинский был не индеец и не гипертоник, но напротив – поляк и астеник; формой же его одежды была шинель отнюдь не красного цвета (предположение напрашивается по аналогии с красными галифе братвы той эпохи или красными пиджаками братвы постсоветской), но символического серого цвета «марен-

го» – по названию классической редакции, которую Наполеон блестяще произвел над вооруженными силами старорежимной Европы. «Все мы вышли из этой шинели», – справедливо заметил один из классиков редакции: склонность к серому цвету стала сословной традицией. О важности поста и деятельности редактора в РСФСР (Редакционный Совет Фантастических Социалистических Республик) наглядно свидетельствовал один уже тот факт, что огромный памятник Дзержинскому все десятилетия Сов. власти высился в центре площади его имени перед небоскребом Клуба Героев Безошибочности, или просто КГБ, как позднее стала официально именоваться Главная Редактура и где трудились руководство и элита несметной рати советских («красных») редакторов.

Днем и особенно ночью, не покладая рук и красных карандашей, клали они головы и животы своя на алтарь отечества. Алтарь отечества был двух разновидностей: письменный стол и стенка расстрельного подвала. «Красный карандаш» также не имел ничего общего с цветом кедровой палочки или графитового стержня внутри нее: это был семизарядный револьвер системы Нагана, а если работы было особенно много – пулемет Максима; то и другое поставлялось с западной гуманитарной помощью из Бельгии и США.

В первую голову в редактировании нуждался социальный состав населения. Архиважно было грубоватого и неграмотного пролетария отредактировать не просто до приемлемого

уровня цивилизованного человека, но человека самого передового в мире. Необходимо было убрать отрицательные моральные, умственные и физические качества: после работы красного карандаша над сырым материалом пролетарий лишился пороков и веры в Бога, обретал природную сметку и располагающее лицо, стригся, брился, при отсутствии носового платка не сморкался вообще, пил редко и не пьянея, носил чистое белье и мечтал отдать жизнь за светлое будущее, что ему так или иначе всегда удавалось. А не-пролетарий становился «эксплуататором» – то есть имел гнилые зубы, печать порочного уродства либо порочной же красоты на лице, совмещал образование с глупостью, был жаден, подл, эгоистичен, распутен и жесток: если он даже и не выглядел таковым с первого взгляда, таковой делалась его сущность, которую следовало выявить и заострить; после чего красный карандаш вычеркивал его с редактируемой страницы. Не будет преувеличением сказать, что красный редактор являлся селекционером, педагогом и имиджмейкером одновременно.

Работы было невпроворот, и на закрытых дверях учреждений и магазинов все чаще белела лаконичная табличка: «Редактирование». Фотовыставки мира обошла знаменитая фотография той эпохи: на заколоченных доской ветхих воротах – торопливое рукописное объявление: «Роддом закрыт. Все ушли на редактирование». Новое рождалось в муках.

Декрет о мире был отредактирован в многочисленные приказы Гражданской войны, Декрет о земле обрел отточенные формы Устава колхозов, божье проклятие поправили в «дело чести, доблести и геройства», из «цвета партии» в несколько умелых касаний сделали «врагов народа». Ряды редакторов ширились, и перегруженное ведомство принялось естественным и уже привычным образом редактировать собственные множащиеся филиалы: так появились «Ум, честь и совесть», «Коллективный пропагандист и коллективный агитатор», «Организатор и вдохновитель всех наших побед», «Общество политкаторжан и ссыльных поселенцев» и многие другие, известные под аббревиатурами ЦК, ГПУ, ДОСААФ и сокращениями вроде Главлит, Литфонд, Совпис и т. д.

И лишь на втором десятилетии этой работы руки редакторов дошли до искусства...

Теперь, бросив общий обзорный взгляд на картину явления, мы можем лучше понять и ту его малую и специфическую часть, которая есть редактирование искусства.

Представим трудности тех лет. Классовая борьба обостряется. Функции Главного Редактора все чаще вынужден брать на себя Генеральный Секретарь Редакции. Постоянно редактируется политбюро партии, армейское руководство и службы безопасности. Что же в искусстве, которое принадлежит отредактированному народу?

Творческие люди, талантливые и образованные, почти по-

головно – члены семей бывших эксплуататоров, т. е. потомственные эксплуататоры сами. И вот они создают художественные произведения. И вроде бы там не к чему прицепиться, все в порядке: правильно, понятно и полезно. Да – но что под этим может крыться? Как русская матрешка, такое произведение может содержать в себе еще семь смысловых уровней, в том числе неприемлемых и враждебных. Как вскрыть? – а тезис о многозначности искусства был редакторам хорошо известен.

Можно попытаться. Художник клянется! Но мировоззрение человека объективно выражается в его творчестве – даже помимо или против желания творца. А помимо и против желания – все эти пост-эксплуататоры не могли на уровне подсознания и инстинкта не стремиться жить лучше и еще лучше, т. е. к своему элитарному, эксплуататорскому положению, которого генетически, так сказать, вкусили.

Внешне это может быть неопределимо. Так невозможно сформулировать, в каких именно особенностях черт заключено обаяние какого-то лица. Но есть это обаяние! Так же и в буржуе всегда есть буржуизм – тот комплекс черт, унаследованных от родителей, который при первой возможности делает человека эксплуататором. Ибо раскулаченный буржуй – это еще не пролетарий, так же как и богатый пролетарий – это еще не буржуй: все дело в складе натуры, в нервах и мозгах. Дай им волю – и пролетарий завтра опять будет пролетарствовать, а буржуй буржуизировать. (Увы, что в

конце концов и случилось.)

Так что истинно и насквозь пролетарское искусство может быть создано только пролетарием, чье мировоззрение, так сказать, обеспечено генетически. Но до генетического анализа наука еще не дошла. И следует заменять его социальным – ибо в социальном положении генетический тип личности вполне проявляется. Следует признать, что социальный критерий отбора художников был вполне обоснован. Скажи мне, кто твой родитель – и я скажу, о чем твое искусство.

И в искусство были призваны пролетарские ударники. Первоначально так назывались кузнецы, ковавшие ключи от квартир, где должны были лежать деньги: власти обещали отдельную квартиру каждому, и это виделось счастьем. О чем и пелось: «Мы кузнецы, и дух наш – молот, куем мы счастья ключи». Однако вскоре ключей оказалось больше, чем квартир, и освободившихся кузнецов, с учетом их пролетарской сущности, бросили на искусство.

Большая нужда была в оркестрах, игравших бравурные марши, и ударники пришли в музыку. Однако слух их, приобретший пролетарскую простоту вследствие кузнечной работы, оказался непреодолимым препятствием для создания музыки и игры на струнных и духовых инструментах. Нам не известен ни один ударник-скрипач или флейтист. Мучительно наблюдать нетрезвого дирижера, своей палочкой пытающегося нащупать си-бемоль после работы в клепаль-

ном цехе. Неповрежденным оказалось лишь чувство ритма, и играть на барабанах и литаврах многие из них научились; с тех пор эти инструменты так и называются «ударными». Единственным достижением ударников-композиторов остается чудовищно нудная и примитивная мелодия «Интернационала» – настолько непригодная для исполнения, что звучала всегда только с фонограммы, исполнявшие же ее на всех собраниях пролетарии и редакторы только раскрывали рот, создавая видимость пения. (Впоследствии ряд ударников-музыкантов перешел в сферу рок-суб-культуры, перенеся туда традицию исполнения «под фанеру», как стала именоваться такая манера.)

От ударников в живописи остались сомнительные шедевры типа «Красного квадрата» (в действительности черного), «Купания красного коня» (мальчик кровавый на коне блед) и «Смерти красного комиссара» (ворон над пирамидой из черепов). Однако красный концептуализм просуществовал в советской живописи до 1937-го года, пока на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства Главный редактор сельхозработ Никита Хрущев не пришел в ярость от картины Эрнста Заблудшего «Заклание красного борова», которую он принял сначала за зеркало, и снесенная бульдозерами выставка не вошла в историю живописи под названием «бульдозерная»; последовавшие в Союзе художников репрессии положили начало знаменитой кампании террора 37-го года, когда в первую очередь и целенаправленно уничто-

жались все боровы, хоть отдаленно напоминающие красных, с чего и пошел упадок в советском свиноводстве, — и, соответственно, все красные, хоть чем-то похожие на боровов, что имело непредусмотренным следствием опустошительный эффект в рядах ветеранов партии; уцелевшие ударники рисовали транспаранты, поддерживавшие это мероприятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.